

ЗАВЕРШЕНИЕ «ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ» ДЛЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Часть IV. Западная Европа становится Западом

THE FINALE OF THE “ENLIGHTENMENT
PROJECT” FOR THE WEST AND EAST

PART IV. WESTERN EUROPE BECOMES THE WEST

© 2024 Александр Иванович Яковлев

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор, Москва, Россия
aliv_yak@mail.ru
ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Alexander I. Yakovlev

Dr. habil (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Professor, Moscow, Russian Federation
aliv_yak@mail.ru
ORCID ID: 000-0001-7164-1321

В настоящей части публикации (часть I см.: [Яковлев, 2023a], часть II см.: [Яковлев, 2023b], часть III см.: [Яковлев, 2024]) рассматриваются экономические и социальные процессы, послужившие в конечном счете образованию той Европы, которая стала превращаться в мирового лидера. Названы основные причины «везения победившего Запада» и «невезения проигравшего не-Запада», которые привели к изменению их ролей в мире. В слабой и бедной западной части огромного Евразийского континента разворачивались процессы, не сходные с развитием большей части Евразии, оставшейся с надежным аграрным хозяйством и всевластным государством, которому покорялись народы. В городах Западной Европы возникают новые институты — университеты и банки, развиваются ремесла и торговля, что в совокупности превращает города в альтернативные короне центры общественной жизни. Деньги отделяются от власти. Возможная альтернатива — более полной реализации идеалов Просвещения (свободы, равенства и справедливости) — осуществиться не смогла. В своей совокупности социально-экономический

и культурно-духовный рывок в этой части Европы привел к разделению Европы и мира на Запад и не-Запад и положил начало многовековому «Восхождению Запада».

Ключевые слова: Просвещение, Западная Европа, проект Просвещения, христианство, традиция, Средиземноморье, города, финансовые центры, университеты

Для цитирования: Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Ч. IV. Западная Европа становится Западом. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2024. № 2. С. 13–25. DOI: 10.18254/S268684310031306-4

This part (Part I see: [Yakovlev, 2023a], Part II see: [Yakovlev, 2023b], Part III see: [Yakovlev, 2024]) examines the economic and social processes that ultimately formed Europe, that began to turn into a world leader. The main reasons for the “luck of the victorious West” and the “bad luck of the losing non-West” are named, which led to a change in their roles in the world. In the weak and poor western part of the vast Eurasian continent, processes unfolded that were not similar to the development of most of Eurasia, which remained with a reliable agricultural economy and an all-powerful state to which the peoples submitted. In Western Europe, new institutions are emerging in cities — universities and banks, crafts and trade are developing, which together turns cities into centers of public life alternative to the crown. Money is separated from power. A possible alternative — a more complete realization of the ideals of the Enlightenment (freedom, equality and justice) — could not be realized. Taken together, the socio-economic and cultural-spiritual breakthrough in this part of Europe led to the division of Europe and the world into the West and the non-West and marked the beginning of the centuries-long “Rise of the West”.

Keywords: Enlightenment, Western Europe, Enlightenment project, Christianity, tradition, Mediterranean, cities, financial centers, universities

For citation: Yakovlev Alexander I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and East. Part IV. Western Europe Becomes the West. *Oriental Courier*. 2024. No. 2. Pp. 13–25. DOI: 10.18254/S268684310031306-4

ПОЧЕМУ ЕВРОПА—2

Западная Европа оказалась слабейшим наследником Римской империи. Однако как геополитическое образование она хотя бы в силу своей молодости, в отличие от «уставших» империй, обладала исторической энергией «варваров», пришедших на развалины Западной Римской империи. В отличие от могучих централизованных империй, в Европе существовало несколько культур (романо-латинская, германо-саксонская и славянская) и десятки враждовавших между

собой государств разного масштаба¹. Однако там же утверждалось духовное пространство христианского мира и власть Римско-Католической церкви во главе с Папой Римским. Церковный фактор явно активизировал центристские процессы, но действовал не только он.

Главная черта проекта Просвещения — разрыв с традицией, чего не случилось ни в одной из названных империй (подробнее о византийской, османской и китайской империях см. в Части III [Яковлев, 2024]), где, напротив, в каждой по-своему сохранилась верность цивилизацион-

¹ Примечательно такое рассуждение Мао Цзэдуна: «Европа хороша тем, что все ее государства независимы. Каждое из них занимается своим делом, что позволяет экономике Европы развиваться быстрыми темпами. С тех самых пор, как Китай стал империей при династии Цинь, он большую часть времени был объединенным. Одним из пороков такого объединения стали бюрократизация и чрезмерно жесткий контроль, в результате чего регионы не могли развиваться самостоятельно» (цит. по: [Ливен, 2007, с. 93]).

ным основам. На Западе же разрыв, потенциально заданный в проекте Просвещения, за два столетия набирал все большую силу и реализовался до конца, что привело к десакрализации мира, освобождению человека от сковывающих оков устаревших норм и порядков, но обернулось сакрализацией секулярного Модерна.

Иное условие реализации проекта Просвещения, не столь заметное, — географический фактор. Византийская и Османская империи в Евразии, Китайская империя и Арабский халифат в Азии обладали не просто огромными территориями, на которых терялся человек. Там был метафизически ощущаемый простор пространства — бескрайние степи и пустыни. Европейское географическое пространство имело иной характер, оно было тесным. Это также стоит учитывать.

Для нашей темы важно исследовать процесс и результат, причины формирования в Европе того проекта Просвещения, который обернулся мировым, глобальным проектом. Ведь материальные возможности развития к рубежу XII–XV вв. имелись во всех цивилизационных центрах, там наличествовала развитая культура, имелись сильные централизованные государства, все три империи были включены в систему внешних связей с ближними и дальними соседями. Как и в странах Востока в Европе, благодаря техническим нововведениям происходит подъем сельского хозяйства и ремесла. Все чаще используются водяные и ветряные мельницы, появляются сыромятные и сукновальные машины, на ручных и морских судах появляется жесткое рулевое правление, появляются пушка и очки [Еремеев, 2012, с. 164–165]. Возможно, более существенным стало другое: **в еще аграрном обществе Европы возникают новые специфические институты.**

Возникают университеты — учебные заведения нового типа, причем как с участием, так и

без участия церковных или светских властей². Преподавание всюду велось на латинском языке, процесс обучения состоял из лекций и диспутов. Университеты имели особый социальный статус — были автономными и самоуправляемыми корпорациями учащихся и учащихся, объединенных общностью профессиональных интересов. Это привело к тому, что университеты становились то очагами вольномыслия и еретических идей, способствуя развитию опытной науки, то превращались в проводников и охранителей католической ортодоксии, что вело к господству средневековой схоластики, вследствие чего естественные науки стали развиваться в рамках Академий. Деятельность университетов вела не только к повышению уровня образования, но также к возрастанию интеллектуального уровня общества, его желанию и способности уже самостоятельно и рационально воспринимать жизненные процессы. О важности этого нового социального и интеллектуального института свидетельствует то, что из стен университетов вышло немало деятелей пред-Просвещения: из Оксфордского университета вышли Фрэнсис Бэкон и Уильям Оккам, Ян Гус был ректором Пражского университета, Виттенбергский университет стал центром деятельности Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона.

Возникают банки, специальные экономические институты, аккумулирующие денежные средства и накопления и предоставляющие их в распоряжение заемщиков (частных и государственных) для получения прибыли, в то время как в незападных экономиках финансовые операции оставались в руках отдельных менял и ростовщиков. Банковские институты не только создавали возможности для реализации больших проектов (война, морская экспедиция), но и закрепляли в общественном сознании новые цели и ценности (прибыль, выгода, конкуренция), не совпадающие с целями и ценностями

2 В XI в. возникают Болонская (высшая) правовая школа и медицинская школа в Салерно; университеты — в Париже (1215), в Падуе (1222), в Неаполе (1224), в Монпелье (1289), в Кембридже и Оксфорде (1209), в Саламанке и Лиссабоне (1290), возникает Карлов университет в Праге (1348), Ягеллонский университет в Кракове (1364), университеты в Вене (1365), Гейдельберге (1386), Упсале (1477) и Копенгагене (1479).

христианских идеалов. Стал необратимым процесс отделения собственности от власти, что вызвало к жизни механизмы согласования интересов власти и собственников, нормы защиты собственности и нормы взимания налогов.

Университеты и банки возникают в городах; **свободный город вообще становится важным общественным институтом.** Население европейского города — в отличие от могущественных незападных империй — было вынуждено самоорганизовываться для защиты от внешних угроз и для выживания, городская община формировала систему самоуправления, равнозначную центральной королевской системе управления. Конечно, численность городского населения в Европе сильно уступала некоторым незападным городам, но то были уже иные городские центры торговли, ремесел и услуг, их население обрело иное мировосприятие и мировоззрение, люди становились не только более самостоятельными и грамотными, но и более независимыми по отношению к внешним силам. Итальянские и ганзейские города становятся центрами силы, не военной, а экономической, причем стремящейся к экспансии. Такие городогосударства не принимали на себя никакой миссии, но добивались больших практических успехов. То были «очаги» нового, капиталистического развития.

Между тем, на первый взгляд, «стартовые условия» были не только равны, но и более выгодны для восточной части Евразии. Сравним образы эпохи: в Византии это воин, пахарь и монах, в Китае — воин, пахарь и чиновник, на Ближнем Востоке — воин, пахарь и торговец, на Западе — воин, пахарь и ремесленник. Очень похоже. И тем не менее в Новое время вперед вырвалась именно Западная Европа.

Полагаю, что для прояснения причин этого «чуда» полезно будет разделить обстоятельства и факторы материального и нематериального развития. Да, общество едино, это общественно-производственный организм, в котором все части взаимозависимы, все процессы переплетены. Но представляется, что в Европе —

в отличие от ее восточных соперников — относительная целостность цивилизационного организма ослабла за счет возрастания значимости и самодостаточности материальной сферы. Иначе говоря, интеллектуальный проект Просвещения вызвал к жизни такие мощные и необратимые процессы в экономической и социальной жизни Европы, что эта часть общественной жизни начала обретать все большую самостоятельность. Констатация этого обстоятельства и позволяет на рубеже Нового времени ввести двойное измерение общественного развития: цивилизационное, поскольку страны и народы Европы еще оставались в материальном, культурном и духовном пространстве христианской цивилизации, и формационное, учитывая все возрастающую автономность системы институтов, норм и ценностей возникающей капиталистической формации. Система идей и ценностей, институтов и норм проекта Просвещения, возникнув из «лона христианства», оказалась тесно связанной с судьбой капитализма, который, в конечном счете, и подчинил ее себе. Вне Запада еще не обозначилось разделение общественного развития на устойчивое цивилизационное и динамичное формационное, сохранялись слитность власти и собственности, господство государства в общественной жизни.

НЕУДЕРЖИМЫЙ РЫВОК ЕВРОПЫ

На протяжении столетий «Европа превращалась из экономического болота в наиболее передовой регион мира», — утверждает К. Перссон. В подтверждение этого тезиса он указывает на устойчивый демографический рост после VIII века, восстановление городов и налаживание путей сообщения, все более глубокое «пронизывание» рыночными отношениями повседневной жизни, разделение труда и региональную специализацию, построенную на «оживленной торговле и ее чувствительности к изменениям в относительных ценных». Развитию экономики способствовало также то, что «права собственности были обычно хорошо

определены, а процедуры обмена достаточно стандартизированы. Местные суды были давно готовы решать споры по поводу кредитов и долгов» [*Кембриджская история капитализма*, т. 1, 2021, с. 309, 311, 312]. В эпоху Средневековья происходило рождение (детство) капитализма [Эрс, 2014], поскольку имелись не только рыночные отношения, но и возникли еще слабые и неполноправные, но капиталистические институты, появился *homo economicus* («экономический человек»). На такого рода обстоятельства стоит обратить внимание, потому что, как справедливо заметили авторы «Кембриджской истории капитализма», «промышленная революция имеет свойство затмевать подготовительный период развития рынка, на котором она была основана» [*Кембриджская история капитализма*, т. 1, 2021, с. 425].

В Европе возникают торговые и финансовые центры регионального значения, ставшие организаторами развития по новому пути, осуществляются технологические прорывы.

В Италии возникают несколько центров средиземноморской торговли, в которых формируются уже финансовые центры пока еще слабой европейской экономики — в Венеции, Генуе, Флоренции, Пизе. В отличие от больших стран с развитой экономикой, итальянцы сделали ставку не на сельское хозяйство, а на ремесленное производство и сферу услуг. В торговле и финансах прибыльность и оборачиваемость капитала была намного выше, хотя и риски были больше, а церковь прямо запрещала ростовщичество. Венецианцы удерживали главные отрасли морской торговли: перец, пряности, хлопок, зерно, вино, соль. Богатые торговцы переходили от накопления капитала к организации его продуктивного использования, превращаясь в банкиров³. Парадоксальным образом финансовые центры возникают в бедной Европе, а не в

накопивших огромные богатства странах Востока. Тогда впервые приходит осознание, что не оружие, а торговля приносит могущество и богатство; возникает понимание экономического закона: богатство само по себе — еще не гарантия процветания и развития, требуется его рациональное использование.

Уже в IX–X вв. Венеция, будучи формально под властью Византийской империи, превратилась в крупный посреднический центр торговли Западной Европы с Востоком. В городе процветали ремесла (металлообработка и деревообработка, выделка мехов и кож, ювелирное дело, производство тканей и стекла, кораблестроение). Однако, по утверждению С. Мошенского, для венецианцев торговля наряду с финансами «оказалась главной движущей силой их общества... Деньги стали их религией», а торговцы «настоящими хозяевами Венеции»⁴ [Мошенский, 2022, с. 102]. В то же время, считает Ф. Бродель, в то время «торговля Италии была еще всего лишь заурядной “периферийной” областью...» [Бродель, 1992, с. 103].

В конце X в. Венеция превратилась в независимую Венецианскую республику, богатое морское государство, имеющее немалую территорию и сильный флот, господствовавший на Адриатическом море и на огромном византийском рынке. Ее расцвет обеспечили войны. Во время первых трех Крестовых походов Венеция оказывала помощь крестоносцам и сумела создать цепь опорных пунктов на восточном побережье Средиземного моря, а в результате Четвертого Крестового похода в 1202–1204 гг. превратилась в средиземноморскую империю, овладела частью Константинополя, гаванями в проливах, островами Крит, Корфу и др. «До этого Венеция паразитировала на Византийской империи, пожирала ее изнутри, — отмечал Бродель. — Теперь Византия стала почти что ее

3 Накопление капиталов началось в Италии уже в эпоху Возрождения. Сравнение списков крупнейших налогоплательщиков Флоренции за 1427 и 2011 гг. показало, что около 900 фамилий совпадают — это члены династий торговцев и банкиров [Мошенский, 2022, с. 98].

4 С. Мошенский приводит венецианские пословицы: «Деньги делают деньги, а вши — вшей»; «Человек без денег — ходячий труп»; «Правдой, неправдой, а товар продай» [Мошенский, 2022, с. 102].

собственностью. Но от краха Византии выиграли все итальянские города...» [Бродель, 1992, с. 106].

Власти Венеции, где в начале XII в. покончили с самодержавием дожей, в форме двух главных центров олигархии — Большой совет и Сенат — обеспечивали условия для успешной торговли: свободу предпринимательства и безопасность на море (конвой торговых галер). Эта небольшая по размерам империя стала «цепью торговых пунктов» на пути в Левант. Она смогла подавить и такого сильного конкурента, как Генуя, бывшей, по мнению Броделя, «куда современнее Венеции», составившей «самобытную модель», показавшей «уникальную современность на пути развития капитализма», но оказавшейся более уязвимой с географической точки зрения [Бродель, 1992, с. 115].

Расцвет Венеции завершился в XV в. с захватом турками Константинополя и с началом эпохи Великих географических открытий, позволивших другим европейским странам обрести пути на Восток и в Новый свет. Это повлекло за собой перемещение торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан и падение Венеции как европейского центра транзитной торговли. Но оставались финансы. Бродель отмечает, что в ту эпоху «сложились две экономические зоны — Нидерландов и Италии», хотя благоприятные возможности благодаря крупным торговым ярмаркам имелись и во Франции, и в Германии [Бродель, 1992, с. 107].

Передовые мир-экономики с центрами в Венеции и Генуе, Брюгге и Антверпене возникали в Европе, создавая материальные предпосылки для ее будущего исторического рывка. Концентрация капиталов, растущий объем знаний и навыков, открытие новых земель в Азии и Америке, массовое распространение книгопечатания наряду с отказом от господства традиции — все это обуславливало неизбежность рывка Европы в новый мир.

Ростки того, что впоследствии историки опознают как ростки капитализма, появлялись в разных местах. В городах Тосканы началось

развитие банковского дела, в Генуе отчеканили первую золотую монету, во Флоренции изобретены чек и холдинг, сформулированы основы бухгалтерского учета, Генуя первой реализовала регулярную морскую связь по морю с Фландрией через Гибралтар — констатирует Бродель, заключая: «В плане техники и капиталистических предприятий Венеция скорее отставала, чем была впереди» [Бродель, 1992, с. 125]. Однако кумулятивный эффект такого рода очагов развития по-новому трудно переоценить. «Италия с полным основанием может считаться колыбелью коммерческого и финансового капитализма», утверждает Л. Пеццоло [*Кембриджская история капитализма*, т. 1, 2021, с. 365].

С началом эпохи Просвещения возникают новые центры, новая мир-экономика с центром в Лондоне.

АЛЬТЕРНАТИВА ЕВРОПЕЙСКОГО ПУТИ

В те же столетия изменения происходили в нематериальных сферах жизни Европы, где вновь обратились к идеям древности, но уже не к величию Рима — государства или к достижениям художественной культуры Рима и Греции, нет, заимствуется идеал свободной личности и свободного размышления; личность выходит из «средневековой анонимности» и освобождается от «общественных ограничений». Более того, «ставится под сомнение религиозная средневековая мысль, наблюдается демографический подъем, технические достижения, развиваются морские путешествия, появляется новая эстетика, переосмысливается и омолаживается христианство» [Делюмо, 2006, с. 10, 13].

В то же время нельзя не согласиться с подходом к истории Европы, предложенным испанским историком **Ж. Фонтаной**, отвергающим линейную схему исторического процесса, согласно которой каждый новый этап воспринимается как логичный и безусловный шаг прогресса. Взамен линейного видения Фонтана предлагает «анализировать сложную схему различных траекторий,

которые сходятся, расходятся, перекрещиваются, точек разветвления, где можно выбирать между различными путями» [Фонтана, 2022, с. 9]. И тогда, с отказом от привычных мифов, исторический путь Европы лишается ореола безальтернативности и идеализма.

Так, принцип демократизма, воспринимаемый как славное наследие Афинской демократии, легшее в основу европейской демократии, в самой Древней Греции понимался иначе, чем в наши дни. «Афинская “демократия” никогда не предполагала принципа эгалитарности, равноправия... “Демократия”, за которую так боролись афиняне, означала всего лишь привилегию для небольшой группы граждан, обладавших широкими политическими правами, — вероятно, это была примерно десятая часть жителей Атики, — привилегию, которая позволяла им обсуждать вопросы государственной важности и выбирать по жребию высших должностных лиц, с тем, чтобы в свое время каждый из них мог получить и свою долю власти», — пишет Фонтана, уточняя далее, что: «вообще, для греков понятие свободы никоим образом не соотносилось со свободой чужаков» [Фонтана, 2022, с. 18, 17]. Между тем, миф эгалитарности утвердился в системе идей Просвещения.

Сложная общественная система, возникавшая на малой оконечности огромной Евразии, воспринимала и усваивала немало из наследия разных народов. Отметая школьный, линейный взгляд на историю Европы, Фонтана предлагает более широкий ракурс восприятия, согласно которому «все народы, столкнувшиеся на единой территории, — карфагеняне, этруски, кельты и т. д. — сделали возможным появление единой культуры, привнеся в нее каждый свое, обогатив ее множеством общих совпадающих элементов» [Фонтана, 2022, с. 22]. Широкие и разнообразные торговые связи формировали материальную основу хозяйства народов.

В то же время, очевидная эллинизация культуры народов Средиземноморья в первые века н. э. остается очевидностью, равно как и имперскость в политической жизни. Это позво-

ляло римлянам относиться к внешнему миру не просто как к чужому, но как к варварскому, без осознания того, что там имеются достижения культуры, искусства и науки, превосходящие их собственные. И эта черта морального и интеллектуального превосходства над *варварами*, чужими прочно укоренилась в мировосприятии и самоидентификации европейцев, несмотря на падение Римской империи при нашествии варваров.

Под наименованием варваров в немалой степени имелись в виду просто крестьяне, те широкие народные массы, которые оставались за пределами общественной жизни империи, а в условиях слабости государства постепенно поглотили римское общество. В то же время, понижение уровня и качества жизни сопровождалось процессом христианизации народов Западной Европы. В Восточной части империи христианская церковь развивалась при прямой поддержке государства, а в Западной части — самостоятельно, сумев на протяжении тысячелетия оставаться стержнем общественной жизни. «Новое рождалось не в катастрофе, а в медленном созревании, происходившем на протяжении всего раннего Средневековья», — заключает Фонтана [Фонтана, 2022, с. 58].

В период упадка Западной Римской империи на ее окраинах возникают и постепенно формируются иные центры — в Северной Европе и в Восточной, славянской Европе, позднее разделившейся по критериям религии и культуры: хорваты и поляки приняли католичество и латинский алфавит, сербы, болгары и русские — православие и кириллицу.

И. Хейзинга в известной работе «Осень Средневековья» рисует многогранную и красочную картину Западной Европы (Франции и Нидерландов) в эпоху Средневековья. В жизненном укладе, мировосприятии и мышлении широких народных масс и малочисленных верхов сочетались христианские начала, остатки язычества и проявления нового миропонимания, возникшего в качестве реакции на события европейской жизни XIV–XV веков.

Для нашей темы представляют интерес взгляды **К. Ясперса** на исторический процесс. В частности, в работе «Истоки истории и ее цель» он предлагает схему исторического пути человечества, от общих истоков до возникновения «великих культур древности», к которым отнесены Восток–Запад Европы, Индия и Китай в «осевое время». Но далее их пути расходятся: Индия и Китай беспрепятственно движутся до современности, а Восток–Запад распадается на Запад, Византию и исламский мир, причем лишь Запад преодолевает рубеж «век науки и техники», иначе говоря — эпоху Просвещения и Промышленной революции, разделяясь на Америку и Европу, а Россия, исламский мир, Индия и Китай, равно как и другие народы, уже через Запад подключаются к «науке и технике» [Ясперс, 1991, с. 55]. Такая общая фиксация особенного пути Европы требует объяснения.

Европа формировалась в отличие от названных ранее сильных и относительно монолитных восточных империй как сложный конгломерат разных народов, слабых государств, крепнущих экономик, противостоящих друг другу религиозных течений и самобытных культур. С одной стороны, это вело к внутренним конфликтам, с другой — увеличивало потенциал развития.

Стоит обратить внимание на изменения, происходившие в искусстве Западной Европы, которое хотя и в отраженном виде, но выражало мировосприятие и мировоззрение европейцев. Консервативность византийской культуры отражала консервативность государства и общества в Византии, не знавших понятия прогресс, а также поиска утраченного идеала, ведь евангельский идеал всегда оставался с ними. На Западе же чувство утраты античного наследия компенсировалось, естественно, не реставрацией «антика», а его идеализированным образом, наполненным вполне современным содержанием. Иначе говоря, на Западе брали из античного наследия то, что виделось нужным и полезным для текущего дня. Стремление к восстановлению (Ренессанс) или обновлению идеала (Реформация) придавали всему общественному развитию небывалый ранее динамизм.

Иначе говоря, Запад трансформировался в *иную Европу*, чем слабеющая Византия, восточная часть Римской империи, но утвердил предстание, что иной Европы не было и нет.

На примере византийского искусства Г. Колпакова делает вывод о «психологизме как доминанте западной духовной жизни и об онтологизме — плотном, заключенном в самом себе бытии — византийского сознания. Поэтому столь характерной для византийского искусства станет мозаика на золотом фоне, знаменующая бытие, омываемое вечными золотыми лучами, а для западного — витражи, прихотливый неустойчивый свет которых словно отражает изменчивый трепет души» [Колпакова, 2005, с. 22]. Но западная Европа отказалась от такого наследия Византии.

Отражением перемен в мировоззрении стал переход в живописи от иконы к картине. Поначалу и сама светская живопись выражала церковную проблематику, но изменилась ее технология: в иконе нет тени, там везде свет как символ Небесного света. В картине, отражающей уже мирскую жизнь вокруг, появляются тень и тьма.

Смена стилей и жанров в искусстве и литературе западноевропейских стран отражала глубокие перемены в мировосприятии людей. В культуре, как и в экономической и политической жизни, происходила смена всей «системы координат»: вслед (или одновременно) за унификацией торгового и финансового рынков происходила унификация «рынка культуры», принимавшего нормы и ценности новой формации.

ФЕНОМЕН РОЖДЕНИЯ ЕВРОПЫ-ЗАПАДА

Будучи по формальным показателям слабым элементом мировой системы, Западная Европа стремилась усилиться, а поскольку обладала меньшими ресурсами, чем центры тогдашнего мира, выход угадывался в переходе к интенсивным методам развития. Аутсайдер ищет возможности для совершения рывка и иногда находит. Названные общественные системы на Востоке

были закрытыми и стремившимися к устойчивому покою, возникавшая европейская система сразу открыла себя миру и запустила процесс непрерывных и необратимых перемен, все пришло в движение, и новая система шаг за шагом вышла за свои географические границы, предлагая или навязывая всем свою модель развития.

Эта модель формировалась в несколько этапов: города-государства Северной Италии, положившие начало коммерческому и финансовому капитализму, Нидерланды (до и после разделившего Нижние земли восстания 1568–1572), в которых сначала Антверпен, а затем Амстердам выросли в торговые и финансовые метрополии, ставшие завершением этапа торгового капитализма. На европейском континенте начинается формирование промышленности, от отдельных очагов в Льеже и Генте до промышленных центров в Англии.

Заслуживает внимание мнение Л. Февра о длительном формировании того, что мы сейчас называем Европой. «На протяжении всего Средневековья (а конец Средневековья нужно относить к моменту, далеко продвинутому в Новое время) основные идеи христианской культуры, не привязанные к конкретной почве, курсировали, преодолевая условные границы лоскутных королевств, и это мощное воздействие христианства сыграло свою роль в создании общего образа мыслей, свойственного всем жителям Запада, несмотря на разделяющие их границы; это общее мировоззрение постепенно секуляризировалось, и на его основе сформировалось европейское сознание» (цит. по: [Ле Гофф, 2014, с. 13]). Указанное Февром «общее мировоззрение» — длительная неразделенность церкви и государства, равновесие между верой и разумом — оставалось интеллектуальной и духовной основой привычного для нас европейского мира. Между тем, данное обстоятельство отодвигает «рождение Европы» ближе к эпохе

Просвещения, когда — в отличие от восточных обществ — в Европе происходит разделение церкви и государства как двух неравнозначных центров, веры и разума, причем преимущество отдается разуму, а культура высвобождается из религиозной оболочки. В те же столетия происходит ускоряющееся развитие двух важных институтов Нового времени — университетов и банков, которые меняли и жизнь общества и жизнь отдельных людей, и которые отсутствовали в незападных обществах.

Впрочем, тут стоит вспомнить уточнение Жака Ле Гоффа о том, что «первые контуры Европы и явления, предвосхищающие образ Европы, возникшие в XVIII веке (прилагательное *europeen* — «европейский» во французском языке появилось в 1721 г., а выражение *l'europeenne* — «европейский» — в 1816-м), ни в коей мере не похожи на линейный процесс и не дают оснований утверждать, что идея единой Европы была подспудно заложена в ее истории и географии... Прошлое предлагает направление, но не диктует ничего определенного, так что настоящее, в его поступательном развитии, — во многом дело случая и результат свободного человеческого выбора» [Ле Гофф, 2014, с. 13–14].

Этот процесс западные историки Э. Джонс, Г. Минджей и П. Кеннеди справедливо называют «европейским чудом» (см.: [Кеннеди, 2018, с. 47–66]), поскольку ничто в XIV–XV вв. еще не предвещало взлета экономически и демографически слабых, технически и культурно отсталых, политически разобщенных западноевропейских государств как общности «наций», единых в своей устремленности.

Последнее смогло произойти благодаря тому, что на европейском континенте сложилось удачное сочетание объективных обстоятельств: географических, демографических, политических и экономических⁵. Но проявить сложившийся потенциал Европа смогла благодаря определен-

5 Бродель особо выделяет важность выбора европейцами мясного питания, основанного на животных белках, и животной тягловой силы, что повлекло за собой в конечном счете рост численности населения и продолжительности жизни работоспособного человека, а также качественно повысило эффективность ведения сельского хозяйства [Бродель, 1986].

ной системе идей, в которой тесно переплелись и сложились вместе наследие Античности, дерзкие обретения светской мысли в эпоху Возрождения и революционный разрыв с традицией в эпоху Реформации.

Отвечая на заданный вопрос, Дж. Голдстоун прежде всего отмечает, что «своими успехами Европа обязана не традиционной культуре, не географии, не форме правления или даже не технологическому развитию до 1700 г. В действительности... даже в 1750 г. Западная Европа не отличалась от остального мира, включая Россию и Китай, Османскую и другие империи. Все они были в основном аграрными государствами, управляемыми наследственными монархами, претендовавшими на все более абсолютную власть над своими подданными» [Голдстоун, 2014, с. 13]. Секрет успеха Европы Голдстоун видит в установившемся господстве светского мировосприятия, «триумфе скептицизма и свободомыслия», а также в «подрыве абсолютного авторитета» политических и религиозных лидеров, то есть церкви [Голдстоун, 2014, с. 13].

С такого рода упрощенным подходом, не отрицая важности приведенных доводов, спорит И. Моррис, обоснованно указывая на важность географического фактора, позволившего Европе в условиях действительного равновесия с Востоком в 1500–1700 гг. выйти за рамки региона Средиземноморья, усилиться за счет атлантической торговли, качественно увеличивавшей наличные ресурсы «ядра» европейской экономики и активизировавшей европейское предпринимательство [Моррис, 2016]. С ним согласен Ле Гофф, указавший главное — «эта экспансия стала инструментом самосознания и утверждения европейского могущества» [Ле Гофф, 2014, с. 300]. Иное, столь же важное преимущество Запада, обретенное им уже в XVIII в., — новый источник энергии, уголь, открывший силу пара, что открыло новую эпоху Промышленного переворота. Понятно, почему к этому перевороту не успели подступить в странах Востока.

Взаимообусловленность Промышленного переворота и процессов Просвещения широко отражена в литературе.

«Накопление технологий» поддерживалось распространением грамотности среди растущего населения. По мнению И. Морриса, «где-то между 1750 и 1800 годами... уровень развития Запада догнал уровень развития Востока, положив конец продолжавшейся двенадцать столетий эпохе Востока» [Моррис, 2016, с. 433]. Конечно, на сложный вопрос не может быть простого ответа. Новое состояние западного общества возникает в результате сочетания объективных и субъективных условий в материальной и нематериальной сферах жизни.

Важное объяснение предложил П. Кеннеди, указав на положительное значение слабости государства в Европе [Кеннеди, 2018, с. 50]. Именно в силу относительной слабости государство не имело возможности стеснять процессы развития — техники, образования, культуры, науки. Попытки единственной общеевропейской структуры — папства (Священная Римская империя оставалась сугубо номинальным образованием) выступить в роли реального регулятора общественных процессов сдерживались, а затем были отвергнуты совокупностью национальных государств. Следствием иной, чем на Востоке, роли государства, стал иной социальный баланс в обществе, где сочетались системы вертикальных и горизонтальных связей. Это позволило европейским городам превратиться не только в центры торговли, ремесел и образования, что имело место и на Востоке, но и обрести относительную самостоятельность в качестве субъекта социально-политической жизни наряду с дворянством, аристократией и Коронай. Возникло *третье сословие*, оказавшееся инициатором социальных и политических перемен и главным выгодоприобретателем проекта Просвещения.

Иным проявлением того же фактора Кеннеди называет «личностный аспект»: свободную деятельность корабелов и мореплавателей, торговцев и банкиров, ученых и литераторов,

получивших право на свободную деятельность и свободное мнение. Этими людьми двигали разные мотивы — от стремления к наживе до тяги к приключениям, от увлеченности делом до желания реализовать свой талант; плодами их деятельности стало накопление не только капиталов, но и знаний, появление не только шедевров архитектуры, живописи и литературы, но и смелых прорывов философской мысли. Из их среды появились те, кого позднее назовут «отцами Просвещения».

В последнем обстоятельстве видится еще одно отличие западной части Римской империи от ее восточной части. Ведь в Византии не было политической свободы, демократии, там не было сословий с их жесткими социальными границами, а значит и борьбы за их уравнивание. отождествление государства и общества как церковного народа вызвало к жизни принцип соборности и понятие императора как главы (защитника) Церкви и всех подданных. Но сам народ не ощущал церковь как обособленную корпоративную общность, она была открыта для него. На Западе дела обстояли иначе. Утвердившаяся там закрытость церкви от народа (целибат духовенства, богослужение на латинском языке, причащение под одним видом, а не двумя как на Востоке) породила стремление «безгласного стада верующих» к духовной свободе личности, необратимо утвержденной Реформацией. Далее духовная свобода естественно дополнялась все больше политической свободой. В то же время это также повышало динамизм общественной жизни, возникновение и противоборство различных центров в границах государства.

В то же время возрастает значение финансов в экономической и социально-политической жизни европейских стран. Без учета этого обстоятельства непонятным будет успех парламентаризма в западноевропейских странах (в парламентах заседали не только представители элиты, но и торговцы), что впоследствии обосновывалось уже идеями отцов Просвещения. На смену *династическим государствам* приходят *национальные государства*, при этом *государственный*

интерес уже включает в себя не только интересы монархии, но и *города*, ставшего субъектом политической жизни. Рост финансового капитала открывал возможности для возникновения монополий, а его сотрудничество с государством — для устройства колониальных империй.

Проект Просвещения повлиял на формирование капитализма, но в самом проекте существовали разные тенденции. В частности, Фонтана обращает внимание на крестьянские волнения, в основе которых лежали материальные причины, но питали их также идейные ценности и христианства, и проекта Просвещения: свобода, равенство, братство, справедливость, милосердие. Такого рода «народная традиция» противостояла не только «клерикальной культуре», но и культуре дворянских землевладельцев. Возможно, предполагает историк, «привычному нам ходу истории имелась альтернатива: целостный проект создания общества, в большей степени проникнутого справедливостью и равенством» [Фонтана, 2022, с. 110]. Но далее он показывает невозможность реализации такой альтернативы, поскольку сила была на стороне верхов общества, верхов и сословных, и интеллектуальных. Например, Вольтер утверждал, что европейские крестьяне, «говорящие на наречии, которого не понимают в городах, имеют немного мыслей и, как следствие, способов их выражения», и что они стоят «ниже» африканских кафров [Фонтана, 2022, с. 128]. Так, вульгарность и неотесанность крестьян приравнивалась к дикости «восточных варваров» — вопреки заповедям Евангелия и идеалам Просвещения. Иначе говоря, из двух вариантов развития проекта Просвещения в конце XVIII в. верх взял буржуазный вариант, а социалистический оказался маргинальным до начала XX в.

Конкуренты Европы были богаче и сильнее. Решающими факторами для рывка Европы стали политический фактор (сила короны и конкуренция государств) и обретение колоний как

источника природных ресурсов и рынка сбыта, а также источника финансовых ресурсов.

Совокупность разнородных факторов и обстоятельств, как слияние миллионов капель в дождевом ливне, определило направление потока и равнодействующую развития.

Таким образом, при сохранении политической нестабильности и конкуренции, нередких вооруженных конфликтах и религиозного разделения, в странах Западной Европы возникли несколько центров, обладавших потенциалом развития. Благодаря своеобразному кумулятивному эффекту там начался процесс динамичного и поступательного развития всего общественно-производственного организма. Европа становилась центром мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.* Т. 1. *Структуры повседневности: возможное и невозможное.* М.: Прогресс, 1986. 624 с. [Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV-XVIII siècle* Т. 1. *Les structures du quotidien: le possible et l'impossible.* Moscow: Progress, 1986. 624 p. (in Russian)].

Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.* Т. 3. *Время мира.* М.: Прогресс, 1992. 680 с. [Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV-XVIII siècle* Т. 3. *Le temps du monde.* Moscow: Progress, 1986. 680 p. (in Russian)].

Голдстоун Дж. *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850.* М.: Институт Гайдара, 2014. 224 с. [Goldstone J. *Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500–1850.* Moscow, Gaidar Institute, 2014. 224 p. (in Russian)].

Делюмо Ж. *Цивилизация Возрождения.* Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 720 с. [Delumeau J. *La civilisation de la Renaissance.* Ekaterinburg; U-Faktoriya, 2006. 720 p. (in Russian)].

Еремеев В. Е. *Введение в историю мировой науки и техники.* М.: Восточная литература,

2012. 303 с. [Eremeev V. E. *Introduction to the History of World Science and Technology.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2012. 303 p. (in Russian)].

Кембриджская история капитализма. Т. 1. *Подъем капитализма: от древних истоков до 1848 г.* А. Володин (ред.). М.: Ин-т Гайдара, 2021. 800 с. [The Cambridge History of Capitalism. Vol. 1. *The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848.* A. Volodin (Ed.). Moscow: Gaidar Institute, 2021. 800 p. (in Russian)].

Кеннеди П. *Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.* Екатеринбург: ГОНЗО, 2018. 848 с. [Kennedy P. *The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000.* Ekaterinburg: GONZO, 2018. 848 p. (in Russian)].

Колпакова Г. С. *Искусство Византии. Ранний и средний периоды.* СПб.: Азбука-Классика, 2005. 524 с. [Kolpakova G. S. *The Art of Byzantium. Early and Middle Periods.* St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2005. 524 p. (in Russian)].

Ле Гофф Ж. *Рождение Европы.* СПб.: Alexandria, 2014. 397 с. [Le Goff J. *The Birth of Europe.* Saint Petersburg: Alexandria, 2014. 397 p. (in Russian)].

Ливен Д. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней.* М.: Европа, 2007. 688 с. [Lieven D. *The Russian Empire and Its Rivals from the 16th Century to the Present.* Moscow: Evropa, 2007. 688 p. (in Russian)].

Моррис И. *Почему властвует Запад... по крайней мере, пока еще. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем.* М.: Карьера Пресс, 2016. 720 с. [Morris I. *Why the West Rules — For Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future.* Moscow: Career Press, 2016. 720 p. (in Russian)].

Мошенский С. *Больше чем деньги. Финансовая история человечества от Вавилона до Уолл-Стрит.* М.: Альпина Паблишер, 2022. 632 с. [Moshensky S. *More Than Money. The Financial History of Humanity from Babylon to Wall Street.* Moscow: Alpina Publisher, 2022. 632 p. (in Russian)].

Фонтана Ж. *Европа перед зеркалом. Критика исторических представлений*. СПб.: Alexandria, 2022. 256 с. [Fontana J. *Europa ante el Espejo*. Saint Petersburg, Alexandria, 2022. 256 p. (in Russian)].

Эрс Ж. *Рождение капитализма в Средние века. Менялы, ростовщики и крупные финансисты*. СПб.: Евразия, 2014. 320 с. [Heers J. *La Naissance Du Capitalisme Au Moyen Age. Changeurs, Usuriers Et Grands Financiers*. Saint Petersburg: Evrasia, 2014. 320 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Часть I. Общие положения и творцы проекта. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023а. № 1. С. 13–35 [Yakovlev A. I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and the East. Part I. Keynotes and the The Creators. *Oriental Courier*. 2023а. No. 1. Pp. 13–35 (in Russian)].

Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Часть II. Реформа-

ция и революция. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023b. № 2. С. 13–28 [Yakovlev A. I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and the East. Part II. Reformation and Revolution. *Oriental Courier*. 2023b. No. 2. Pp. 13–28 (in Russian)].

Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Ч. III. Имперские модели. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2024. № 1. С. 34–53 [Yakovlev A. I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and the East. Part III. Imperial Models. *Oriental Courier*. 2024. No. 1. Pp. 34–53 (in Russian)].

Ясперс К. Истоки истории и ее цель. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат, 1991. С. 28–98 [Jaspers K. The Origins of History and Its Purpose. *The Meaning and Purpose of History*. Moscow: Politizdat, 1991. Pp. 28–98 (in Russian)].

